

глазом, прищёлкнул языком - поселится тут не грех, мешать ни кому не будешь, живи себе привольно.

Первым делом поставил избу, отрыл колодец, постройки хозяйственные возвёл, всю усадьбу, и огород плетнём выгородил. Посадил сад добрый, кусты ягодные и ракиты у самого двора. Ракита дерево что ни наесть самое близкое, родное для крестьянина.

Всё было сделано по чину, заповеданному мудрыми отцами. Стала семья жить и трудиться праведно. Народились дети. В самые края наполнилось, зазвенело жизнью некогда пустынное, нежилое место. Было и случалось всякое в жизни семейства. Радости с горестями, как и полагается, по-хозяйски обосновались и не покидали домочадцев. Только вот...

Только вот, как-то вдруг и незаметно жизнь стала предел свой сединой, болезнями, немощами обозначать, а там уж и сама смерть скорёхонько заявила. Всё, вышел жизни срок. Понесли скорбные родственники тела страдальцев на приходской погост в сыру землю прятать.

Так случилось, что повзрослевшие дети обрели себе другие места для жительства, а обжитому родительскому выпало опустынеть снова. Ныне здесь об уже прозвучавшем мгновении жизненном напоминают только взъерошенные ветви старых яблонь и гигантские корабли вековых раquit. Сотворились вновь тишина и покой первозданные. Вечность подарила, обняла, вознесла, уладила, а потом поглотила жизнь уже состоявшуюся, жизнь окончательно цену обретшую, и всё ради только нарождающейся, лишь наметившейся и совсем ещё никчёмной жизни будущей.

Было, было всё, а потом исчезло, словно и не было, не было ничего. Разве только по чьей-то горячей щеке крупная слеза скатиться, да защемит сердце чьё-то от нестерпимой боли крапивной и всё... И всё.

(навечно раздумьями при виде северо-восточной окраины д. Большое Лукино – «под Ольховиковым»)

